

*Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
профессор кафедры отечественной
истории факультета истории
и политических наук, доктор
исторических наук,*

*Даниил Викторович СИЗОВ —
краевед*

УДК 377 (571.12)

СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ Г. ТЮМЕНИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

АННОТАЦИЯ. Рассматривается бюджет средних учебных заведений г. Тюмени в начале XX в., их материальная база, организация учебного процесса и умонастроения учащихся.

The authors concentrate upon the situation with secondary schools in Tyumen at the beginning of the XX th century, focusing upon school budgets, their buildings, classrooms and equipment, academic process as well as upon attitudes of pupils to educational and political matters.

В начале XX в. в Тюмени имелось три средних учебных заведения: Александровское реальное училище (открылось в 1879 г.), женская гимназия (1904 г.) и частное коммерческое училище Колокольниковых (1910 г.), в которых к 1917 г. обучалось около 1,5 тыс. детей. В отличие от начальной школы, испытывавшей хронический недостаток денежных средств, бюджет средних учебных заведений считался относительно благополучным и складывался из государственных ассигнований, взносов учредителей и Городской думы, платы за обучение, отчислений от банковских вкладов и ценных бумаг, благотворительной помощи и иных источников.

Наиболее независимым в финансовом отношении было реальное училище (около 230 учащихся). Оно размещалось в одном из лучших зданий города, владело двумя домами для проживания обслуживающего персонала, имело уникальный музей, в котором экспонировалось почти 9 тыс. предметов, две библиотеки — фундаментальную для преподавателей (8,8 тыс. томов) и ученическую (17,5 тыс. книг) [1]. Г. Кеннан, американский путешественник и публицист, побывавший в Тюмени, писал, что «... училище состоит из двух отделений: одного чисто научного, другого технического. В последнем находится паровая машина, станки и все необходимые орудия; в чисто научном отделении — физический кабинет, богато снабженный всеми нужными приборами, даже телефонными системами Белля, Эдисона и Дальберга и фонографом. Химическая лаборатория обставлена с таким совершенством, какого я нигде не видел» [2].

В 1910-е гг. годовой бюджет училища доходил до 40 тыс. руб., из которых около половины перечислялось со счетов Министерства народного просвещения. Часть средств выделялась Городской думой. Кроме того, платный характер обучения (45 руб. в год с каждого ученика) позволял училищу зарабатывать не менее 10 тыс. руб. ежегодно [3].

В коммерческом училище (1910 г. — 120 учащихся, 1916 г. — 290) как негосударственном учебном заведении главным источником формирования бюджета (око-

ло 45 тыс. руб.) являлись средства учредителей, братьев Колокольниковых, а также плата за обучение (50 руб. в год с ученика) и доходы от аренды принадлежащих училищу квартир [4].

Скромнее было финансовое положение женской гимназии, в которой к 1917 г. обучалось более 900 детей (т. е. почти в два раза больше, чем в реальном и коммерческом училищах), но годовой бюджет лишь иногда превышал 40 тыс. руб. Дефицит денежных средств, с которым периодически сталкивалась гимназия, объяснялся недостаточным государственным финансированием (2,5 тыс. руб. ежегодно), из-за чего главным источником доходов являлись сборы за обучение: от 10 руб. в пригготовительном классе до 60 руб. в выпускном. Как и реальное училище, гимназия получала помощь от Городской думы (в 1917 г. 8,2 тыс. руб.) и отчисления от принадлежащих ей банковских вкладов и ценных бумаг [5].

Основной статьей расходов во всех средних учебных заведениях города являлась оплата труда педагогов и обслуживающего персонала. Так, для учителей реального училища был установлен годовой оклад из расчета 75 руб. за один урок в неделю на протяжении всего учебного года. Таким образом, если педагог проводил в неделю 12 уроков, он зарабатывал 900 руб. в год или 75 руб. в месяц (для сравнения: в 1908-1914 гг. зарплата неквалифицированного рабочего в Тюмени составляла 15-35 руб., а квалифицированного — 40-50 руб. и лишь у единиц достигала 75 руб. в месяц). Кроме того, учителя получали надбавки к основному окладу за пятилетнюю выслугу в системе народного просвещения и «сибирскую службу», а также вели «дополнительные» уроки (учебные занятия по неосновному предмету), оплачивавшиеся из расчета 60 руб. в год за один урок в неделю. Отдельно начислялись доплаты за проведение опытов по физике и естественной истории (ботаника, зоология), классное наставничество и т. д. В результате при 12 основных и 10 «дополнительных» уроках в неделю и различных надбавках учитель реального училища мог заработать до 1800 руб. в год или до 150 руб. в месяц. Наиболее квалифицированным педагогом устанавливалось повышенное жалование, до 3 тыс. руб. в год. Несколько выше были оклады учителей коммерческого училища. Однако в женской гимназии они составляли 700-1200 руб. в год [6].

Зарплата обслуживающего персонала была в 2-8 раз ниже учительской. Так, в коммерческом училище кочегар получал 45 руб., сторож — 40 руб., дворник — 35 руб., вахтер — 25 руб. в месяц (1916 г.) [7]. В целом на оплату труда педагогов (в реальном и коммерческом училищах их было по 10-13, в гимназии — 20-25) и обслуживающего персонала каждое среднее учебное заведение расходовало 22-28 тыс. руб. в год, т. е. 50-60% своего бюджета.

От 8 до 13 тыс. руб. тратилось на хозяйственные нужды. В коммерческом училище (1911 г.) главными из них являлись покупка мебели (ок. 3,5 тыс. руб.), отопление здания (3 тыс. руб.), приобретение учебных пособий (3 тыс. руб.) и книг для библиотеки (800 руб.), завтраки для учащихся (2 тыс. руб.), косметический ремонт (1 тыс. руб.), канцелярские расходы (500 руб.) освещение (300 руб.), содержание лошади (120 руб.), плата за телефон (75 руб.) и т. д. [8].

Во всех средних учебных заведениях Тюмени был установлен семилетний срок обучения. Отбор учащихся в первый класс проходил по результатам вступительных экзаменов (Закон Божий, арифметика, русский язык). Подготовка к ним обычно велась в пригготовительном классе (в реальном и коммерческом училищах один год, в гимназии один-два года). При этом возраст первоклассников составлял 9-11 лет, а выпускников — 16-18 лет.

За время обучения учащиеся изучали более двадцати учебных дисциплин. Однако в женской гимназии объем преподавания предметов естественного и математического циклов был несколько меньшим, чем в училищах. Так, алгебра изучалась здесь три года (в реальном училище — пять лет, в коммерческом — четыре), геомет-

рия — три года (в коммерческом училище — четыре года), география — четыре года (в реальном и коммерческом училищах — пять лет) и т. д. Наоборот, уроки чистописания велись в гимназии в течение четырех лет (в реальном и коммерческом училищах — один год), а рукоделия — семи (в реальном и коммерческом училищах не проводилось). В 1907 г. для лучших выпускниц гимназии открылся VIII (педагогический) класс, после окончания которого они могли работать в начальной школе. Будущие учительницы изучали педагогику, методику преподавания, гигиену, древнеславянский язык, проводили пробные уроки в младших классах гимназии [9].

Ряд специальных дисциплин был включен в учебные планы коммерческого и реального училищ: счетоводство, бухгалтерия, экономическая география, товароведение (коммерческое училище), законоведение, математическая география, тригонометрия, черчение (реальное училище).

Особое место в программах средних учебных заведений занимали Закон Божий, русский язык (в гимназии русский язык и словесность), предметы математического цикла, немецкий и французский языки, рисование, которые преподавались в течение всего периода обучения.

К преподавательской работе в учебных заведениях города привлекались как опытные, так и начинающие учителя. Особым «соцветием чинов» отличалось реальное училище, среди педагогов которого (1906 г.) один (директор И. Я. Словцов) являлся действительным статским советником (чин IV класса), а четверо (физик Ф. Г. Багаев, учитель рисования Н. В. Кузьмин, учитель немецкого языка Я. И. Миллер, математик П. И. Перешивалов) — статскими советниками (чин V класса). Почти все преподаватели училища были награждены орденами Св. Анны или Св. Станислава [10]. Многие из них проработали в системе народного образования по 20 и более лет, обладали широким кругозором, отличались требовательностью к ученикам и самоотдачей в работе.

В то же время даже наиболее квалифицированные педагоги никогда не формировали местную элиту и в лучшем случае представляли тончайший субкультурный слой, чей инновационный порыв тонул в трясине мещанского болота уездного города. Ситуация усугублялась тем, что, вторгаясь в окружающий мир в надежде отдать свой «долг» народу, «окультурить» его, провинциальный педагог невольно становился на путь насильственного просветительства и провоцировал напряженность и полускрытое противостояние в отношениях с учениками. Как следствие, большинство детей с недоверием относились к учителям и школе и с трудом расставались с привычной для них социокультурной средой.

Даже в реальном училище, где знания учащихся считались самыми высокими в городе, а на одно место в первый класс претендовали не менее двух абитуриентов, средняя успеваемость учеников при пятибалльной оценке знаний обычно составляла 3,5 балла, а от 6 до 15% реалистов заканчивали учебную четверть с неудовлетворительными оценками. Особенно много неуспевающих было по иностранным языкам, алгебре, физике и геометрии. Легче усваивались русский язык, география, история, рисование. В 1906/1907 учебном году абсолютная успеваемость была достигнута лишь по Закону Божьему и черчению [11].

Еще хуже было положение в женской гимназии, где около трети учениц получали неудовлетворительные оценки. Типичны в этом отношении результаты 1907/1908 учебного года, когда 16% гимназисток имели два балла по математике, 12% — по русскому языку, 12% — по географии, 7% — по Закону Божьему, 3% — по истории [12]. Причем в действительности картина могла оказаться еще более мрачной, если бы учителя проявляли требовательность и не завышали оценки. По крайней мере, проверка остаточных знаний по истории, проведенная окружным инспектором в VII классе, показала, что ни одна из учениц не сумела ответить на поставленные вопросы, хотя они, как отмечалось в отчете проверяющего, «касались самых важ-

ных и крупных событий» [13]. Отсюда специальные задания неуспевающим, перенос экзаменов на осень, репетиторство и изматывающая детей зубрежка.

В коммерческом училище, наряду с пятибалльной оценкой знаний учащихся, на каждого из них составлялась дважды в год характеристика с указанием отношения к учебе и черт характера, которая при необходимости сообщалась родителям и, как считалось, позволяла учителям учитывать индивидуальные особенности ребенка [14].

Учебный год в средних учебных заведениях Тюмени делился на четверти: первая — с 1 сентября по 31 октября, вторая — с 1 ноября по 22 декабря, третья — с 7 января по 15 марта и четвертая — с 1 апреля до начала июня. Обычно ежедневно проводилось пять уроков продолжительностью по 50 мин. каждый. Перемены между уроками делились на «большие» (20 и 40 мин.) и «маленькие» (5 и 10 мин.). В первую «большую» перемену (после второго урока) учащиеся завтракали: каша с маслом в реальном училище и гимназии, стакан молока с французскими хлебцами в коммерческом училище. На завтраки с каждого ученика собиралось по 7 руб. в год (1914 г.) [15].

Во вторую «большую» перемену (после третьего урока) дети играли. Чтобы придать их играм организованность, во дворе учебного заведения зимой заливался каток, строилась снежная крепость. Весной и осенью ученики играли в «лунки» и «бабки».

Правила поведения в средней школе Тюмени были достаточно традиционными. Ежедневно в каждом классе назначалось по два дежурных. Они следили за порядком в учебных кабинетах, докладывали учителю об отсутствующих, читали ученикам молитву до и после уроков. На занятия учащиеся обязаны были приходиться в установленной форме: девочки в коричневом платье и черном переднике, мальчики в школьном мундире темно-серого цвета. Ученикам запрещалось кричать, драться и, естественно, курить. Нарушение этих правил вело к снижению оценки за поведение на один-два балла.

Специальными инструкциями регламентировалось поведение учащихся вне школы. Особой жесткостью отличались правила женской гимназии, в большей мере сохранившей схоластические традиции прошлого и чересчур пуританский подход к пониманию хороших манер. Гимназисткам, например, запрещалось выходить из дома после 8 час. вечера, сидеть на скамьях возле магазинов, посещать праздничные вечера в военном клубе, концерты в народном доме, кинематограф. Увидеть спектакль в театре ученицы могли только с разрешения начальницы гимназии. Столь же строгими были правила поведения учащихся реального училища, где ученика за нарушение дисциплины могли отправить в карцер [16].

Наоборот, администрация коммерческого училища считала, что посещение учениками кинематографа или театра заполнит их досуг. В этой связи с владельцами кинотеатра «Модерн» был заключен договор, предусматривающий регулярную (раз в неделю) демонстрацию фильмов для учащихся, правда, в присутствии педагога [17]. В училище проводились музыкальные и литературные вечера, работал кружок скрипачей, который посещали 40 (!) детей. Юные музыканты выступали с концертами и даже поставили оперетту «Грибной переполох» [18].

Заметное влияние на среднюю школу Тюмени оказали события 1905–1907 гг. В новой социально-политической ситуации был нарушен устоявшийся уклад школьной жизни, отчетливо обозначилось противостояние части учеников властям и учебному начальству. 16 октября 1905 г. группа учащихся реального училища участвовала в первой в городе политической демонстрации, после которой отказалась посещать занятия, поддержав проходившую в эти дни забастовку железнодорожников и связистов. Во главе ученического движения встал «семейно-педагогический кружок», объединявший либерально настроенную интеллигенцию, выступавшую за реформирование школьного дела. С помощью председателя кружка Г. Г. Перфильева учащиеся составили петицию, которая была передана директору реального училища И. Я. Слоцову [19]. Часть содержащихся в ней требований, безусловно, носи-

ла позитивный характер. В первую очередь, это касалось расширения курса новейшей литературы, отмены дисциплинарных взысканий, введения элементов самоуправления, права учащихся на организацию кружков самообразования и собраний без контроля администрации, свободного посещения театров, концертов и т. д.

Другие предложения были либо спорными, либо неприемлемыми: отменить преподавание латинского языка, отказаться от ежегодных переводных экзаменов, передать в полное ведение реалистов фундаментальную библиотеку и ряд других.

На данном этапе ученического движения большинство его участников не выходило за рамки чисто академических требований и не вмешивалось в политическую борьбу. Это обеспечивало единство действий и массовость выступления, что заставило администрацию реального училища пойти на уступки: отменялась «отсидка» в карцере, разрешалось проводить собрания учеников, создавать кружки, посещать театр и т. д. 21 октября занятия в училище возобновились.

В то же время первые успехи учащихся привели к новой расстановке сил в ученическом движении, которое постепенно утрачивает присущую ему первоначальную целостность. Основная масса реалистов по-прежнему продолжает оставаться на позициях чисто академических требований и невмешательства в политическую жизнь, другая их часть начинает проявлять интерес к политике, связывая обновление системы образования с конкретными изменениями в политическом строе страны. Дифференциация среди учащихся стимулировалась дальнейшей политизацией общественной жизни в стране, формированием в городе организаций политических партий, непоследовательностью школьной администрации, вскоре отказавшейся от некоторых ранее данных обещаний.

В 1906 г. сторонники политических действий вступают в Тюменскую социал-демократическую группу, прекращают заниматься ученическими проблемами и сосредоточивают внимание на политической пропаганде. Следствием этого явилась утрата связей с основной массой учащихся, которые в условиях наступавшего спада общественной активности вновь «уходят в себя». Формировавшийся в такой обстановке психологический тип испытывал пассивное желание «убежать из общества», демонстрировал крайнюю неустойчивость демократических чувств. Можно сказать, что в подсознании выпускника средней школы засел не сакраментальный русский вопрос «Что делать?», а неосознанная тревога: «Какой же диктатор мне больше подходит?».

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАТО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-3, 15.
2. Кеннан Г. Сибирь. СПб., 1906. С. 42.
3. ГАТО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 181. Л. 6, 28, 29.
4. Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 54. Л. 80; Д. 4-7.
5. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 302. Л. 80; Д. 303. Л. 1-115.
6. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 302. Л. 81; Ф. 57. Оп. 1. Д. 38. Л. 6-10; Д. 181. Л. 14; Ф. 92. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.
7. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 302. Л. 81.
8. Там же. Л. 7-8.
9. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 9. Л. 18-20; Д. 11. Л. 15; Ф. 57. Оп. 1. Д. 79. Л. 4-5; Ф. 92. Оп. 1. Д. 10. Л. 6-7.
10. Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 88-95. Ордена Св. Станислава и Св. Анны — низшие ордена Российской империи.
11. Там же. Д. 38, 39.
12. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 6-9.
13. Там же. Д. 9. Л. 7-8.
14. Приведем выдержки из некоторых школьных характеристик: Алексей Огибенин — «необыкновенно подвижный, навязчивый, с виду очень добродушный, но далеко не всегда искренний»; Муся Шайчик (дом его отца, так называемый Дом Яши Шайчика, до сих пор является одной из архитектурных достопримечательностей Тюме-

- ни) — «ласковый и хороший мальчик, способности ниже среднего, прилежание довольно большое, но не развитой, плохо рассказывает, переэкзаменовка перенесена на осень»; Константин Машаров (сын известного в городе фабриканта Н. Д. Машарова) — «поведение неровное, мальчик, дающий, по-видимому, гораздо меньше, чем может»; Иннокентий Колокольников — «слабо развита речь, мало читает»; Михаил Ребрин — «поведение неровное, способный ученик, но сам себе на уме» (ГАТО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5. Л. 20-24).
15. ГАТО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.
 16. Примеры нарушения учащимися инструкций и реакции на эти проступки администрации учебных заведений Тюмени: 1. Сестры Греховы, ученицы III класса женской гимназии, вели переписку «неприличного содержания» с мальчиками. Об этом сообщили их родителям, а оценка за поведение была снижена на два балла. 2. Галина Машарова (дочь Н. Д. Машарова) была исключена из гимназии за прогулку под руку с офицером и посещение маскарада. 3. Сергей Тихов был задержан директором реального училища И. Я. Словцовым за распространение революционных прокламаций, передан полиции и исключен из училища (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 15-16; Д. 5. Л. 50; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 871. Л. 115).
 17. ГАТО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
 18. Там же. Л. 52-53.
 19. Сибирская торговая газета (Тюмень). 1905. 27 октября.

*Анатолий Анатольевич КОНОНЕНКО —
соискатель кафедры отечественной
истории факультета истории
и политических наук,
кандидат исторических наук*

УДК 947. 084

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

АННОТАЦИЯ. Анализируется историческая литература последнего десятилетия, посвященная партии социалистов-революционеров.

The author offers his review of recent historical articles and books devoted to the social-revolutionary party.

Сегодня более чем очевидно, что однозначной оценки деятельности партии социалистов-революционеров — одного из главных субъектов российской политики первых двух десятилетий минувшего века — у современного поколения отечественных и зарубежных историков быть не может. Хотя издержки смены исследовательской парадигмы не могли не сказаться на исторической науке 1990-х гг., для историографии партии эсеров последнее десятилетие не стало «потерянным». К достижениям данного периода следует, в частности, отнести расширение источниковой базы по истории эсеровского движения. Большая заслуга в этом принадлежит издательству «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и его руководителям В. В. Шелохаеву и А. К. Сорокину. В первую очередь здесь следует сказать о много-томной, непрерывно пополняющейся серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие», отличающейся высокой издательской культурой, тщательным подбором наиболее важных и интересных документов, наличием аналитических вводных статей и научных комментариев. Важность этого уникального издания, которое все шире используется в научной практи-